

Идея и функция университета

Данной теме в минувшую среду была посвящена публичная дискуссия в Южнокавказском региональном бюро Фонда им. Генриха Белля.

С докладом выступили:

Гига Зедания – философ, ассоциированный профессор Государственного университета им. И. Чавчавадзе;

Нестан Ратиани – доктор филологических наук;

Заза Шатиришвили – философ.

Модератором дискуссии был журналист **Давид Паичадзе**.

Приветствуя участников встречи **Д. Паичадзе** отметил, что начавшаяся три года назад реформа системы образования многими средствами массовой информации стала восприниматься лишь как реформа Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. Журналисты пытаются понять суть реформы лишь на примере этого высшего учебного заведения.

– Тем не менее, меня интересует, какой видится идея и функция университета в нашей стране, – отметил Д. Паичадзе и предоставил слово философу З. Шатиришвили.

З. Шатиришвили: В 1852 году Джон Генри Ньюмен написал книгу под названием «Идея университета». Автор защищает холистическое понимание университета, полагая, что это чисто европейское явление, которое зародилось в XI-XII веках. Кардинал Ньюмен в своей книге говорит о целостности знаний, передаче национальной культуры, воспитании... Университет должен воспитать джентльмена, который знает национальную культуру и ее антично-христианские основы. Отдельные главы книги посвящены литературе и теологии, роли церкви, значению философии... Автор защищает идею автономии университета. Ньюмен был литератором и его стиль сравнивают со стилем Шекспира и Гиббона. Так что это очень значимая фигура в англоязычной культуре. Как говорится, с легкой руки Ньюмена появилась масса работ, касающихся идеи университета. Назову для примера работы Хосе Ортега-и-Гассети «Миссия университета», Карла Ясперса «Идея университета», Ярослава Пешкана, профессора Йельского университета «Идея университета, новое испытание». И, наконец, книга Б. Ридингса, которая вышла 14 лет назад под названием «Университет в развалинах». В книге речь идет об университете без идеи и культуры. На эту тему в США продолжается полемика в связи с постмодернистской ситуацией, приведшей к распаду целостности знания на «микроразделения», потере идеи, а также связи университета с бизнесом.

До XVI века университеты считаются церковными, поскольку родились в лоне церкви. Они были автономными в том смысле, что не зависели от воли местных властей. Их защищала специальная булла Папы Римского. И в случае нарушения автономии, университет мог обратиться за поддержкой к Его Святейшеству. После этого начинается

«национальный период», в течение которого власти как бы ограничивают автономию университета и он становится на службу государству. В конце XIX века университеты ориентируются на исследовательскую деятельность. В XX веке университеты в США настолько сближаются с бизнесом, что практически теряют идейность и ориентируются на такие практические сферы, как биология, фармакология, новые технологии... Сближению с бизнесом способствовала и неолиберальная политика. Университет оказался лицом к лицу с бизнесом и это совершенно новый для него вызов. Особенно это является вызовом для гуманитариев, но об этом позже.

Давид Паичадзе: Благодарю вас. Давайте предоставим слово следующему докладчику.

Гига Зедания: Как уже говорилось, в средних веках формируется то, что мы сегодня называем «университетом»: Профессор читал материалы, тексты которых были мало в печатном виде, а после давал их интерпретацию, т.е. логическими методами приводил в соответствие текст Священного писания с философией Аристотеля. Так университет давал возможность объединения знаний в одну систему. По одному из определений, университет – это энциклопедия общества. Но после средних веков круг постепенно расширяется и мы получаем то, что в социологии называется функциональной дифференциацией. Внутри общества выделяются сферы, которые не находятся в сущностной связи друг с другом. Они следуют собственной логике. Например Гальский заявляет, что его интересует не мнение авторов, а эксперимент. Соответственно, наука находит собственный код: истинный-ложный. И науку уже не интересуют иные сферы влияния. То же касается экономики и политики. Вы помните тезис Адама Смита, в соответствии с которым экономика будет успешной в том случае, если в нее не будут вмешиваться. За подобной дифференциацией следует невероятная продуктивность в каждой из отдельных сфер. Достичь такого успеха в едином обществе было бы невозможно. Так что университет сохраняет функцию энциклопедии, однако входящие в нее статьи никак не связаны друг с другом. Было множество попыток восстановления целостности. Например, во время учреждения Берлинского университета в 1807-1810 годах. По заявлению Гумбольдта, университет должен быть производителем нефункциональных знаний, поскольку знания сами по себе являются целью. С этим согласен и Ньюмен, полагающий, что практическое использование не может быть критерием оценки знаний.

Но какую функцию может обрести университет в нашей стране? Мы имеем катастрофическую нехватку рационализма и рациональности. Одной из причин распада единой университетской системы на Западе было то, что каждая подсистема была построена на собственной системе рациональности.

То, что процесс рационализации до сих пор не проник в структуры нашей общественной жизни, вызывает впечатление, что мы являемся обществом, не достигшим пока Эпохи Просвещения. Это видно как в общественных сферах, так и на уровне дискуссий. Проявлением этого являются суеверия, тотальное отсутствие навыков научных суждений. Так что университет в Грузии может обрести функцию анклава рациональности. Такой рационализм может и не распространиться на все общество, но он может стать достоянием элиты, определяющей процессы развития страны.

Давид Паичадзе: Благодарю вас. У нас есть несколько позиций. Университет был носителем национальной идеи, сегодня стал безыдейным и возможно станет

анклавом рациональности. Правда, я стал походить на Ингу Григолия, которая повторяет последнюю фразу. Но ладно, послушаем Нестан.

Нестан Ратиани: Когда начинаешь думать об идее и функции университета, то невольно ощущаешь какой-то груз историзма. Если начать говорить об этом, то многие если не скажут вслух, то подумают о том, что кто ты такой, чтобы рассуждать на эту тему. Приезжают из Европы наши коллеги делиться опытом преподавания. Отношение к ним в основном такое – мы сами знаем как это делать и ваш опыт нам не пригодится. Не ради интереса к науке, жажды знаний, а просто по традиции, раз окончил школу, то надо же теперь куда-то устроиться, не оставаться же без дела. Для родителей это решение проблемы занятости детей на несколько учебных лет. Лучше ходить в университет, чем торчать на улице. Но когда человек приходит по инерции, то получает ли он то, что должен получить?

Теперь, что касается знаний. Когда я поступала, то очень популярным был факультет классической филологии. Теперь популярны юридический и экономический факультеты, то есть те, в которых видят больше пользы после их окончания. Правда филологи и историки в прошлом могли продвигаться по партийной линии. Национальная идея больше объединяла гуманитариев, а идею «революции роз» в первую очередь подхватили юристы. Мне кажется, что это тоже указатель определенных тенденций в нашем обществе. Естественно, идеей и функцией университета должны быть знания. В этой связи мне вспоминается рассказ Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича», в котором герой перед смертью задумывается о бесцельно прожитой жизни. Было бы очень жаль, если наши молодые люди, подобно Ивану Ильичу, будут думать о том, что сделали неправильный выбор в жизни, оказались не там, где должны были быть. Вместе с тем и университет должен оправдывать ту идею и функцию, которую от него ожидают молодые люди.

Давид Паичадзе: Большое спасибо. Ваше слово, господин Нодар.

Нодар Натадзе, председатель Народного фронта: Университет не сможет выполнять свою функцию, если не будет ориентировать сотрудников на решение задач мировой науки. В университете должны быть люди такого масштаба, которым под силу решение таких задач и формирование соответствующего сознания.

Сознание человека определяется генетикой и средой, но среда должна формировать в нем уверенность в его возможности. Среда должна внушать человеку, что он является сыном творческой культуры. Например, малочисленная грузинская нация является единственной в мире, создавшей литературу мирового значения. Большая литература решает общечеловеческие проблемы от имени человечества. Так, входя в жизнь, человека должны увлекать борьба за первые призы, а не за третьи и четвертые. Для этого существуют и определенные организационные формы. Любое развитие нуждается в определенных «тепличных» условиях. Если человек не участвует в исследовательской работе, то он не создает фундаментальную науку, а значит, он не может и приобщить студента к фундаментальной науке. Если студент не овладеет хотя бы азами фундаментальной науки, то он не сможет передать элементы фундаментальных знаний школьным ученикам. А без таких знаний ученик не сможет работать даже на производстве. Если он освоил технологии пальцами, то он потеряет эти навыки. Ведь технология меняется через 2-3 года. Поэтому человек превратится в балласт общественной жизни. В проводимой нынче реформе высшего образования этого

просто не учитывается. С самого начала готовят человека в качестве пятисортного робота.

Еще в средние века в Европе знали, что в связи с процессом познания, освоения знаний существуют проблемы, на которые может дать ответ лишь совет профессоров. Так что автономия университета является результатом не демократии, а технологии учебы и развития. Поэтому, когда министр назначает ректора, а ректор выбирает ученый совет, то это является варварским отклонением от естественного процесса развития.

Наименее престижным в ода моей студенческой жизни был экономический факультет, поскольку на этом факультете не было профессуры, занимающейся проблемами мировой науки. На филологическом, философском, математическом были. Когда студенту говорят, что он свою сознательную жизнь должен провести в условиях «second hand», то такой студент не может стать личностью. Он будет униженным и жалким.

Гия Нодия, философ: Я думаю, что целесообразнее было бы говорить об идее и функциях университета, поскольку не может быть одной функции. При этом надо определить, какая из функций более приоритетна и значительна в контексте современности. Что касается идеи, то она как бы определяет место университета в сознании людей. Это определенная система ценностей. Итак, мы имеем схему в соответствии с которой, в начале была идея, университет был церковным заведением, потом его организатором стало государство, а теперь он остался как бы без призора. Во всяком случае, институционально у университета нет одного попечителя. Бизнес не может быть попечителем, поскольку это не одно лицо, к которому можно обращаться. По идее Шляермахера, университет – это храм науки, нетеологический монастырь, в котором существует интеллектуальная свобода и создаются интеллектуальные продукты высшего качества. Но хозяева диктуют свою волю. Церковь требовала изучения теологии, государства – распространения национальной идеологии, бизнес ориентирован на создание подходящих школ и неприязненно относится к гуманитарным факультетам. Но университет в постоянной борьбе с меняющимися хозяевами, стремится отстоять свою идею.

Бадри Шарвадзе, издатель: Возможности докладчиков, также как и мои, никак не соответствуют теме дискуссии. В докладе я видел лишь какие-то отражения информации, были какие-то фрагменты без конца и начала.

Хотя в докладе Г. Зедания была попытка логического продолжения и завершения исторического экскурса, но сам экскурс имел серьезные недостатки. Надо поставить вопрос каким условиям должен отвечать человек для того, чтобы говорить на эту тему? На эту тему может говорить человек, который осуществил в своей жизни какую-то фундаментальную работу, исследование, открытие... Пусть не обижаются, но только опыта нет ни у одного из докладчиков. Они на гипотетическом уровне делятся с нами какой-то информацией. Это совершенно не адекватно.

Думаю, более целесообразным был бы разговор о нашем университете, имеет ли он перспективу в такой стране как Грузия? И вот еще вопрос. университет был создан в начале XX века, когда 80% жителей страны было неграмотно. Как в подобных условиях могли развиваться просветительские учреждения? Вот тут говорилось и о том, что в нынешних условиях гуманитарии не востребованы. А есть ли в Грузии настоящие гуманитарии? Триста лет идет работа над уточнением текста «Витязя в тигровой

шкуре», осуществляются филологические исследования, но до сих пор не существует критического издания этой книги.

В заключении я скажу, что реальные возможности нашего народа никак не отвечают той задаче, которая может быть поставлена перед университетом. Поэтому университет у нас всегда был суррогатом и таковым останется всегда. В Грузии никогда не существовало условий для того, чтобы здесь кто-то занимался научными проблемами мирового значения. Целиком мифологизирована и Эпоха Возрождения в Грузии. В поэме Низами «Исхандер Наме» я нашел главы, посвященные философии Платона, Аристотеля, средневековую философию. А мы ухватились за один афоризм Руставели, в котором упоминается Платон и воображаем, что поэт является эталоном просвещения. Правда как к поэту у меня нет к нему никаких претензий. Я говорю о реальных знаниях, которые отражены в произведении. И наконец, вопиющим является наше несоответствие с рассматриваемой темой.

Гига Зедания: Министр у нас не назначает ректора. Был один случай в 2000 году, когда ректора назначил кабинет министров, возглавляемый президентом. Все ректоры, аккредитованные университетом, избираются.

Нодар Натадзе: Кем избираются, кем?

Гига Зедания: Профессурой университетов...

Нодар Натадзе: Вы что не знаете, что ученый совет формируется «ассенизатором» (имеется в виду министр науки и образования).

Гига Зедания: Я знаю о чем говорю. Что касается ощущения второстепенности, то оно характерно для стран, которые не находятся в западном нарative, но ориентированы на Запад. Вольтер говорил, что человек должен быть свободным от каких-то навязываемых идей и мыслить свободно. А Пушкин говорил, что мы должны мыслить как европейцы. Значит, русская культура рассматривается не как европейская, а как культура, сознательно ориентированная на европейскую.

Этот мотив повторяется во многих культурах. В том числе и нашей. Сознательная фронтация на институт, который возник на чужой почве, таит опасность симуляции. В университете выходили сборники, которые не имели научной ценности, читались лекции, во время которых не было никакой передачи знаний. Все это было классической симуляцией университета. И сегодня большинство учреждений в Грузии работает в режиме симуляции.

Аргули Джигладзе, физик: Было сделано все для того, чтобы в Грузии перестал существовать университет. Возможно, кому-то кажется, что он все еще существует, но его нет.

Вопрос из зала: О каком университете вы говорите?

Аргули Джигладзе: Обо всех, в том числе и государственном. Сегодня в таком состоянии наша школа, что нет никакой надежды на возрождение университета. Я лично отказался от участия в конкурсе по той простой причине, что я не мог стать профессором несуществующего университета. В прошлом году я читал лекции

первокурсникам. На экзамене выяснилось, что 70% не знали программу седьмого класса. Я пошел в школу и обнаружил, что по знаниям невозможно было отличить восьмиклассника от десятиклассника. Есть 4-5% знающих, мотивация же остальных к учебе, к выбору факультета чисто прагматическая – зарабатывать при помощи профессии как можно больше денег. Хотят стать банкирами, менеджерами, юристами. Так что, какие бы средства не выделялись для университета, его невозможно возродить, пока в таком состоянии наше среднее образование. Для ускорения производства атомного оружия Сталин назначил Курчатову зарплату в 20 тыс. рублей. Сегодня, когда молодые люди видят в каком положении находятся учителя и профессора, у них не появляется никакой мотивации работы в области фундаментальных наук. Если я чему-то научился, то это благодаря общению со своими педагогами, главными были развитие способности мышления и работа с книгой. Сегодня книгу якобы заменил компьютер, поэтому так называемые реформы поставили нас на путь латиноамериканских и африканских стран.

Нино Джапаридзе, психолог: Я не вижу большой беды в том, что дипломированному человеку не придется работать по своей специальности. Наше поведение определяется тем микро-социумом, в котором мы находимся. Мы не можем изменить этот микро-социум, и не надо стараться сделать это. Если преподаватель стимулирует интерес к поисковой работе, интерес к каким-то открытиям, в том числе и в самом себе, то это уже означает многое. Я сама преподаю в вузе, и если из тридцати студентов удастся обратить в «свою веру» хотя бы пятерых, я бываю вполне довольна своей работой.

Давид Арабидзе, активист профсоюзного движения: К сожалению, мы живем в эпоху либерального фундаментализма, в которой рынок объявлен Богом, а человеческий труд – товаром. Так называемая реформа образования рассчитана на формирование представления о труде как о товаре. Внутри страны население должно превратиться в обслуживающий персонал, а вне страны выполнять функции жандарма. В случае ранения в Ираке американский солдат получает компенсацию от 120 до 220 тысяч долларов. А грузинский боец может рассчитывать на компенсацию от восьми до двенадцати тысяч долларов.

Нугзар Бардавелидзе, теолог: Европейские университеты действительно имели автономию. Местные власти не имели над ними контроль и Папа Римский вряд ли вмешивался в их внутреннюю жизнь. История нашего университета несколько иная. В 30-е годы арестовывали и расстреливали ректоров. А позже университет находился под жестким партийно-идеологическим контролем. О какой независимости могла идти речь? Какова была мотивация научной карьеры? Она сулила привилегии и относительную обеспеченность. Ректор был выше министра, его назначал первый секретарь ЦК. Партком университета приравнивался к секретарю горкома партии, а секретари факультетов приравнивались к секретарям райкомов. Вы только представьте какая это была бюрократическая структура. Когда это закончилось, мотивацией осталась коррупция. Но вот перекрыли и основные каналы коррупции. Чем же университету жить? Ему остается или вернуться к настоящей научной работе – хотя в реальности такого пути я сомневаюсь – или переквалифицироваться в колледж и готовить если не официантов, то менеджеров, которые после получения диплома смогут найти работу по специальности.

Заза Шатиришвили: Сейчас я работаю над вопросом о том, как отражалась смена парадигм в университете на литературу и какое влияние оказывала литература на университет. Это довольно амбициозный проект, охватывающий период от Данте до Томаса Мана.

Давид Паичадзе: Господин Нодар Натадзе говорил, что нельзя воспитывать студента с «second hand»-ным сознанием. К сожалению, эта традиция на факультете журналистики сохранялась в течении десятилетий. И разрушить ее очень сложно. Трудно переходить на партнерские, коллегиальные отношения со студентами. Впрочем, мне как модератору не полагалось говорить об этом.

Бадри Шарвадзе: Дошла же Грузия до XX века со своей культурой и традициями без университета? Элефтер Андрионикашвили говорил, что мировую науку будут развивать и без нашей помощи. 90 человек в Институте литературы не могут издать книгу, в которой было бы видно, на что они способны. Могут ли они после этого считаться гуманитариями?

Оливер Райснер, профессор: Существует ли научная общественность в Грузии или произошла ее атомизация после распада СССР? В прошлом ученые составляли привилегированное сословие. Политика очень важна в деле осуществления реформ внутри университета. Каков уровень образования? Качество преподавания проявляется через 10-15 лет. Сейчас мы имеем дело с результатами событий 90-х годов. И еще, насколько в Грузии возможна защита достоинства ученого? Насколько люди, даже представители научных кругов, проявляют терпимость к отличному мнению?

Мамука Джигладзе, математик: Я считаю безнравственной позицию некоторых своих коллег, которые отказываются от сотрудничества с новым руководством университета и со злорадством ожидают краха реформ. В отличии от них, мы организовали нелегальные семинары для студентов и работаем с ними. Если наш опыт будет когда-нибудь востребован руководством университета, то мы готовы поделиться с ним. Если нет, будем продолжать работу в прежнем режиме. Я призываю ученых к чувству ответственности перед страной и будущим поколением.

Давид Паичадзе: Давайте завершим дискуссию без всякого заключительного слова.